

**КОНЦЕПТ «МОДЕРНИЗАЦИИ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Сонина Е.О.

старший преподаватель кафедры философии и политологии, заместитель декана факультета
государственного и муниципального управления Уральского института-филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 66.02
ББК 32с

Статья посвящена проблемам интерпретации теории модернизации, ее основных идейных концептов в политическом дискурсе современной России. Автор анализирует причины востребованности теории модернизации в современном российской политическом дискурсе, основные дискурсивные формы презентации модернизационных концептов, пытается определить последствия их односторонней властной интерпретации.

Ключевые слова: модернизация, политический дискурс, власть, идеология.

Sonina E.O.

**CONCEPT "MODERNIZATION" IN POLITICAL DISCOURSE
OF MODERN RUSSIA: PROBLEM OF INTERPRETATION**

The article is devoted to the problems of interpreting the modernization theory, its main ideological concepts in political discourse of modern Russia. The author analyses the reasons for the theory of modernization of being in demand in the modern Russian political discourse, main discursive presentation forms of modernizing concepts, makes an effort to determine the consequences of their unilateral powerful interpretation.

Key words: modernization, political discourse, power, ideology.

Начавшийся в 2008 году очередной этап государственных преобразований в России был связан со сменой идейного концепта, символизирующего очередную попытку аргументации со стороны Власти выбранных путей реализации реформ. Предложенная ранее для обоснования политики второго российского президента концепция «суверенной демократии» встретила серьезную критику со стороны экспертных кругов как в России (В. Соргин, И. Клямкин, О. Крыштановская, Д. Орешкин и др.), так и за рубежом (Г. Хейл). Ответом на обрушившуюся как со стороны научного сообщества, так и со стороны практиков критику по отношению к концепции «суверенной демократии» стал выбор модернизационной теории в качестве идейного проекта, легитимирующего выбранный курс реализации государственных преобразований.

Базовые концепты и идейные принципы модернизации страны были сформулированы в интернет – статье Д. Медведева «Россия, вперед!» [1]. Программные задачи по достижению заявленных в статье

целей были обозначены Д. Медведевым в Послании Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. [2]. Обращение российской Власти к идейным концептам теории модернизации обусловлено целым рядом изменений, произошедших за период реализации государственных преобразований, в системе ценностей российского общества, научном и политическом дискурсах.

После обрушившейся всесторонней критики в 1960-х гг. модернизационная парадигма претерпела серьезные содержательные трансформации, приведшие к появлению целого ряда неомодернистских концепций: теории социокультурных изменений Р. Инглхарта, теории «хорошего общества», концепции устойчивого развития, теоретические модели локальной и национальной модернизации. Систематизируя опыт успешных и неуспешных, «конфликтных» модернизаций, неомодернистские теории предлагают целый ряд моделей, методологий перехода от традиционного типа общества к современному, и далее – от современного к постсовременному. Главным

достоинством предлагаемых в рамках неомодернистских концепций методологий оказывается возможность учитывать социокультурные факторы, геополитические и внешнеэкономические условия модернизации, особенности доминирующих в переходных государствах политических режимов. В практическом плане достаточно адаптивная методология обновленных модернизационных концептов позволяет спроектировать различные варианты, модели модернизации в зависимости от степени влияния факторов, связанных с национальными особенностями сформировавшейся системы ценностей общества, традиций управления государства, характера экономики и моделей экономического поведения общества. С. Хантингтон указывает на возможность модернизации и без вестернизации, перехода на современный тип экономики, системы отношений общество – государства без смены культурного кода, без отказа от национальной идентичности [3, с. 18]. Новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии успешно модернизировались без ломки традиционных структур общества, опираясь на те традиционные ценности, которые могли бы обеспечить реализацию новых задач, отвечающих целям прогрессивного развития государства. Общинный характер общественных отношений, иерархическая пирамидальная система управления, восприятие обществом и политическими элитами целей государственного развития как жизненных стратегий, задающих определенные параметры личной самореализации, органично вписывались в задачи модернизации, позволив юго-восточным обществам выйти на новый уровень экономического развития.

Сформулированный в рамках неомодернистских концепций подход обладает обширной методологией для анализа особенностей трансформационных процессов в России. Цивилизационные архетипы российской национальной ментальности и политической культуры всегда играли одну из ведущих ролей в определении путей общественно-политических преобразований России [4, с. 85]. С доминированием патриархально-подданнических архетипов российской политической культуры ряд авторитетных исследователей связывают несостоятельность большинства либерально-демократических реформаторских инициатив второй половины 1980 – начала 1990 – х гг. [5]. В идеологическом отношении «адаптированные» современные варианты модернизационных концептов задают систему коммуникационных кодов, позволяющих легитимировать уникальную национальную модель модернизации России. Аргументация, базирующаяся на системном анализе социокультурных факторов модернизационных процессов, помогала объяснить многочисленные «отклонения», возникшие в результате предыдущих государственных преобра-

зований. В политической риторике неудачи «российского транзита» связывались с доминированием патерналистских настроений в обществе; традиционной безынициативностью социальных, экономических, политических акторов; экономической, политической пассивностью социального слоя, ответственного за «производство идей»; коррупцией, ставшей на фоне политической безынициативности населения своеобразной социальной нормой [1]. Апеллируя к социокультурным факторам модернизации, обращаясь в рамках политического дискурса к категориям и понятиям теории модернизации, российская Власть могла выстроить аргументированное оправдание несостоятельности многих из иницилируемых Властью преобразований.

Концепты неомодернистских теорий позволяли не только объяснить возникшие в результате предыдущих попыток модернизации ценностные конфликты. Произошедшая, после системной, всесторонней критики, в 1990-х гг. методологическая реинкарнация теории модернизации, открывала возможность конструирования на базе неомодернистских концептов идейного проекта, легитимирующего выбор перспективных путей государственного развития. Всесторонняя, комплексная модернизация становится политическим трендом, идейным стержнем политического курса президента Д.А. Медведева. 2008 год символизирует начало очередного этапа модернизации, иницилируемой Властью. Во властной интерпретации национальная модель «комплексной» модернизации означает «обретение Россией статуса мировой державы на принципиально новой основе» [2]. Новую основу, по мнению Власти, должны сформировать ценности и институты демократии, а также «современная, устремленная в будущее молодая нация», для которой новаторство, творческая свобода, стремление к самосовершенствованию и самореализации выступают в качестве базовых жизненных ориентиров. Всесторонняя модернизация, установка на новаторство не означает, однако, согласно позиции Власти, абсолютный отказ от ценностей, формирующих «матрицу русской культуры». Межнациональный, межконфессиональный характер российского государства, «воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта» являются «неоспоримыми ценностями», которые могут способствовать успешной модернизации и обеспечению лидерских позиций России в мире [1]. Теория модернизации, опирающаяся на систематизированный, обширный, востребованный в научной среде инструментарий анализа происходящих в мире трансформаций, обладает исключительной идеологической привлекательностью для российской Власти. Она позволяет представить рациональное, научно аргументированное видение проблем уже реализованных

преобразований и перспективных путей развития государства с учетом факторов, означаемых в поле научного и политического дискурса как «традиционные», «ментальные», «неискоренимые».

Категориальный аппарат, открывающий возможность логической увязки традиций и новаций в поле одного идейного проекта, оказывается не единственным фактором идеологической востребованности теории модернизации в современном российском политическом дискурсе. Вторая причина связана с комплексным, междисциплинарным характером модернизационных концептов. Систематизируя методологические подходы, выработанные в рамках философии, социологии, политологии, экономики, опираясь на обширный инструментарий прикладных исследований, теория модернизации делает возможным идейную легитимацию государственных преобразований в различных сферах жизнедеятельности общества. Системный характер теории модернизации позволяет «встроить» происходящие всесторонние изменения в социальную систему, выгодно обосновать выбор той или иной стратегии реформирования. В политическом дискурсе «модернизация» действует как лингвистический код, «включающий» в массовом сознании представления о целях государственных преобразований одновременно в сфере экономики, политики, социального обеспечения. «Модернизационный» код переводит сложное для массового восприятия содержание реформаторских концепций. В массовом восприятии «модернизация» означает всестороннее реформирование, призванное обеспечить новый качественный уровень жизни населения. Экономика знаний, инновация, инновационное развитие, новаторство означаемые как «модернизация» дают массовому сознанию ощущение возможности приобретения дополнительных социальных гарантий, повышения уровня благосостояния и социального обеспечения.

Методологическая многомерность модернизационной парадигмы в условиях ставшим для России традиционным всестороннего, практически всеохватывающего характера реформ позволяет достаточно выгодно вписать выбранные варианты государственных преобразований в поле идеологических концепций. Российская Власть, опираясь на системную, комплексную методологию модернизационных концептов при построении идеологических проектов, получает возможность идентифицировать социальные потрясения как необходимость, обусловленную переходным периодом. В современном российском политическом дискурсе «низкое качество демократических институтов», «слабость гражданского общества», «низкий уровень самоорганизации и самоуправления», другие «социальные недуги», «сковывающие движение России вперед», связываются не только с фактором

русской ментальности, но с трудностями переходного периода [1]. В результате, благодаря действию кода «модернизации» в современном политическом дискурсе системные «социальные недуги», проявившиеся в трансформационный период, не опровергают, а обосновывают необходимость «дальнейших глубоких, всесторонних перемен».

Обращение к концепциям модернизации со стороны российской Власти связано не только с возрождающимся научным интересом. Идеологической «привлекательности» теории модернизации добавляют также изменения, произошедшие в политической и социальной системе России за последние 20 лет. Одним из положительных итогов осуществленных преобразований является сохранение уважительного отношения к демократическим ценностям и ценностям гражданского общества. Речь идет именно о ценностях, а не институтах, закрепляющих данные ценности в практике российской действительности. Для русского общественного сознания характерны две тенденции. Посткоммунистическая трансформация России, включая экономические реформы Ельцина – Гайдара, большинством населения оценивается негативно. Либерально-демократические преобразования 1990-х годов, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны – как в экономике, так и в политике и социальной сфере [6, с. 111]. В массовом сознании ответственность за неудачи посткоммунистических преобразований возлагается на политические элиты. Истинная цель реформ, по мнению большинства россиян, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремящихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Негативная оценка итогов либерально-демократических преобразований проецируется на отношение россиян к основным институтам русской власти. Русской общественное сознание как в 1990-е, так и в 2000-е годы характеризует критически низкий уровень доверия к основным демократическим институтам власти: парламент, выборы, политические партии [7, с. 51]. Кризис доверия граждан демократическим институтам за 20-летний период реформирования только усилился.

Наряду с негативным отношением к демократическим институтам в русском общественном сознании доминирует также тенденция положительной оценки демократических ценностей. Данные, проводившегося на протяжении всего 20-летнего периода реформирования социологического мониторинга показывают, что ценностные ориентации русского общества достаточно устойчивы, и ценности свободы, справедливости, понимаемой, как равенство

возможностей занимают в ценностной системе россиян значительное место [6, с. 115]. Это обусловлено во многом оценкой значимости лично для себя тех или иных демократических прав и свобод. Россияне в большинстве своем вовсе не собираются отказываться от таких прав и свобод, как свобода слова, передвижения, права на личную инициативу и т.д. Демократические ценности и институты массовым сознанием воспринимаются как своеобразная «страховочная сетка» от подавляющего воздействия государственной власти. Потому и декларация иных ориентиров развития кроме как становление России в качестве «свободного, демократического государства» представляется вряд ли возможным. Свободы, права человека, справедливость и демократия есть укоренившиеся в российском политическом дискурсе понятия. Построить легитимирующий властные решения идейный проект вне демократической ценностной системы координат оказывается невозможным. Вся политическая риторика современной России выстраивается вокруг представлений о необходимости построения современного, демократического, правового, социального государства. Возрождение России как великой державы и укрепление правового государства выступают практически равнозначными идеями, претендующими, по мнению россиян, на статус общезначимых [6, с. 114].

В современном российском политическом дискурсе идейное и функциональное наполнение демократии как некоторого необходимого идеала оказывается незыблемым. Само упоминание данных категорий в контексте того или иного политического идейного проекта автоматически придает ему авторитетности, действуют по принципу аксиом, не требующих дополнительного обоснования и доказательства.

Найти идейные концепты, обладающие таким же легитимирующим потенциалом как сформулированные в рамках модернизационной парадигмы концепты «либерализма» и «демократии», оказывается практически невозможным. Любое концептуальное, риторическое отступление в процессе реформирования от идеалов и ценностей демократии, обязательно будет «разоблачено» как в научном, так и массовом политическом дискурсе. Либерализм, права человека, демократия – идейные столпы, вокруг которых выстраивается и аргументация, и критика властных инициатив и решений в современной России. Отсылка со стороны Власти к ценностям и институтам демократии в качестве базы для очередной модернизации [2] выступает своеобразным аксиоматичным обоснованием необходимости дальнейших перемен.

Третьим фактором идеологической востребованности теории модернизации в современном российском политическом дискурсе выступает ее парадоксально соответствие метафорической схеме

«русской идеологии». Идеологическое конструирование в России всегда реализовывалось путем перекombинации семи семантических элементов: Запад, Модерн, Власть, Интеллигенция = Новая элита, Массы = Народ и Герой – кодовые элементы механизма идеологической деконструкции научных концептов. Все возможное богатство их соотношений, представляет разные варианты структурных моделей, согласно логике которых могут развиваться трактовки целей развития российского государства и на современном этапе. Соотнесение с Западом красной нитью проходит через все реформаторские проекты современной России: будь то Стратегия национальной безопасности России или Концепция административной реформы. Выбор стратегии реализации государственных преобразований по-прежнему базируется на западном опыте, западных моделях и относительно утвержденной на Западе системе ценностей, предстающей в качестве идеалов демократии и либерализма. Мы пытаемся достичь западного уровня качества жизни населения, даже следуя незападным методологиям и техникам реализации государственных преобразований. «Запад» по-прежнему действует в качестве идентифицирующего кода для российского общественного сознания.

Ответственность за производство идей, которые должны обеспечить модернизационный прорыв России возлагается на Интеллигенцию = Новую элиту. Творческая несостоятельность российского образованного сообщества трактуется Властью как один из социальных недугов пореформенной России [1]. Обновление творческой интеллигенции, «пробуждение» новаторского духа у российского населения, стимулирование людей, «открытых прогрессу и способных создавать новое» [2] декларируются как одни из базовых целей российской модернизации. Власть в данном процессе снова берет на себя роль ключевой политической инстанции, призванной стать гарантом, защитником демократических идеалов и ценностей, обеспечения соответствующего модернизированному обществу качества политических институтов и системы государственного управления. Модернизационная теория, как это ни парадоксально, соответствует российской формуле идеологического конструирования. Модернизационная ориентация на поступательное циклическое развитие предполагает, что основным способом адаптации инновационных решений являются реформы. Место власти в происходящих трансформациях определяется через укоренившиеся в российском политическом дискурсе понятия демократия и свобода личности с установкой на Запад как основной субъект идентификации. В результате, современная Россия предполагает «устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» [2].

Еще один фактор – это «западность» модернизационных концепций. Западность с точки зрения соответствия установкам развития. При всей своей социокультурной противоречивой природе Россия – страна, ориентированная на Запад. Основными критериями оценки эффективности изменений в социальной и политической сфере выступают параметры уровня и качества жизни западного общества, международные рейтинги и индексы, рассчитанные и выстроенные научными и аналитическими институтами с доминирующим европейским участием. Аккумулирование модернизационных концепций в российской политической риторике не вызывает такой негативной реакции со стороны Запада как властно интерпретированные предыдущие идейные заимствования (в т.ч. и суверенная демократия). Поэтому обращение к теории модернизации может выступать серьезным инструментом не только локальной, но и внешнеполитической легитимации российской власти.

На современном этапе модернизационная теория для российской Власти оказывается очень выгодным объектом идеологического конструирования. Она вписывается в актуальные коды современного научного дискурса и одновременно оперирует понятиями, уже укоренившимися в дискурсе политическом (права человека, свобода личности, демократия). Учитывая западное происхождение теории модернизации и ее опору на западный опыт, модели реализации государственных преобразований, использование в политической риторике модернизационных концептов позволяет обеспечить легитимацию выбранных путей государственного развития не только на национальном, но и на внешнеполитическом уровне. Наконец, несмотря на всю свою западную ориентированность, теория модернизации вписывается в традиции, действующие коды идеологического конструирования в России, позволяющие выстроить новую формулу обеспечения державного статуса российского государства.

Подвергая теорию модернизации идеологической интерпретации, низводя ее идейное содержание до концептов, обеспечивающих легитимацию принимаемых политических решений, Русская Власть не учитывает возможность возникновения целого комплекса побочных эффектов инструментального подхода к научно-теоретическим моделям государственных преобразований.

Научные концепты, даже если они опираются на достаточно широкую эмпирическую базу, – это не политическая программа действий, устанавливающая задачи политического и экономического развития государства на определенный период времени. Это именно теории, которые оперируют идеальными типами [3, с. 6-7], и их основная задача – разработать методологическую базу для анализа и типологизации

политических, экономических, социальных процессов. И основные концепты теории модернизации – это «методологические регулятивы, направленные на понимание различающихся по сущностным параметрам обществ» [3, с. 7], касающихся логики их перехода от одного этапа исторического развития к другому, позволяющие оценить степень «драматичности» подобного перехода и спрогнозировать его возможные последствия. Стремление представить модернизацию как некоторую задачу, требующую политического решения, может привести не просто к драматичному, а катастрофичному результату. Модернизация, в сущности своей, – проблема, предполагающая, прежде всего, не политический, а научно-методологический подход и поиск решения.

Модернизационная теория – выгодный объект идеологического конструирования. Но она не может выступать в качестве средства легитимации, так как сама является системой идейных концептов, нуждающихся в длительном процессе адаптации. Он носит не только, и даже не столько технико-экономический, а социокультурный характер. Модернизация предполагает глубинные ценностные сдвиги, требующего достаточно длительного времени осознания обществом реальной заинтересованности в реализуемых трансформациях. Пример Японии и Китая показывает, что однозначной культурной блокировки здесь нет. Проблема состоит в серьезных временных затратах и наличии понимания со стороны власти, что обеспечение ее легитимного признания посредством «вписания» ценностей в уже созданные институты и техничная идеологическая игра на идейных концептах и традициях – это всегда ловушка в том числе и для самой власти. «Верхушечные модернизации» быстро обрываются и сменяются длительными периодами контрреформ и застоя, обнажающими все модернизационные конфликты и лишаящими общества чувства уверенности во Власти.

Литература:

1. Медведев Д.А. Россия, вперед! [электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 12.04.2013).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.
3. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3-21.
4. Согрин В.В. Противоречивые итоги президентства В.Путина // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 69-87.

5. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture// Pro et Contra. 2008. № 1. С. 45 - 60; Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С. 178-194.

6. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад Института социологии РАН// Полис. 2011. № 6. С. 109 – 119.

7. Лапин Н.И. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39-53.

References:

1. Medvedev D.A. Russia, forward! [e-resource]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (date of reference: 12.04.2013).

2. RF President's Letter to the RF Federal Assembly// Rossiyskaya gazeta. November 13, 2009.

3. Fedotova V.G. Nonclassical modernization and alternatives of modernization theory // Voprosy filosofii. 2002. № 12. P. 3-21.

4. Sogrin V.V. Contradictory results of V.Putin's presidency // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2009. № 1. P. 69 – 87.

5. Batalov E. Political culture of Russia through the lens of civic culture// Pro et Contra. 2008. № 1. P. 45-60; Pivovarov Yu.S. The Russian political tradition and modern age. M., 2006. P. 178-194.

6. Twenty years of reforms as viewed by the Russians (experience of long-term sociological observation): analytical report of the Sociological Institute RAN// Polis. 2011. № 6. P. 109-119.

7. Lapin N.I. Alarming stabilization // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2007. № 6. P. 39-53.